

Книги Владимира Сухина
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Цикл

«ВТОРАЯ ЖИЗНЬ МАЙОРА»

**ВТОРАЯ ЖИЗНЬ МАЙОРА
СТУДЕНТ НА АГЕНТУРНОЙ РАБОТЕ
ПЕШКА В БОЛЬШОЙ ИГРЕ
РАЗРУШИТЕЛЬ БОЖЕСТВЕННЫХ ЗАМЫСЛОВ
СКОРПИОН ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР СУХИНИН

СКОРПИОН

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

РОМАН

Москва, 2018

ЭАРМАДА

&

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С91

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1100

Художник
М. Поповский

Сухинин В. А.

С91 Скорпион его величества: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 410 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2633-1

Миру Сивиллы грозит потрясение. В степи зарождается новый воинственный культ Худжгарха. Земля сотрясается от топота тысяч боевых быков, подстегиваемых орками. Кровь обильно поливает серебряный ковыль. В пламени гражданской войны гибнут племена.

Лигирийская империя дождалась своего часа и втайне замышляет вторжение в Вангор. Княжество снежных эльфаров на грани развала, вызванного предательством правящих домов. Лесное княжество готовится к тяжелой и кровопролитной войне с орками.

Худжгарх собирает войска своих последователей, чтобы выступить против империи. Мир замер накануне неотвратимого катаклизма... Кругом плетутся интриги, зреют заговоры и совершаются убийства. И в центре всего этого обыкновенный студент магической академии.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сухинин В. А., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2633-1

Как ночь рождает тьму,
И как огонь к теплу нас манит.
Смирись! Прими свою судьбу
И Скорпиона знак, что остро жалит.

Ария императора.

Лигирийский императорский театр

ПРОЛОГ

Десять всадников на быках приблизились к лагерю свидетелей Худжгарха. Один из них поднял руку и остановился. Остальные, следуя команде, натянули поводья, сдерживая боевых лорхов, и тоже остановились. Поднявший руку внимательно всмотрелся. Перед ним был не воинский лагерь, а нагромождение фургонов, расставленных в полном беспорядке. Он скорее напоминал табор беженцев от войны. Не было обычных разъездов, которые должны были уйти на полдня от лагеря и вести разведку. Часовых на своих постах тоже не было, сам лагерь стал вдвое меньше, и было件нятно, что часть орков покинули его. Лагерь свидетелей был запущен и представлял жалкое зрелище. Не воинский лагерь, а стойбище козлопасов, подумал Грыз. Более оскорбительного прозвища для воинов не существовало. Когда видели орка в плохом снаряжении и с оружием, которому он не уделял должного внимания, то его презрительно называли козлопасом. Коз пасли самые никудышные рабы, которым не доверяли ничего другого, они были вечно голодные, грязные и оборванные.

Было видно, что в середине лагеря собралась большая толпа и слушала очередного проповедника. Грыз помнил, как не так давно такие проповедники вещали от имени Худжгарха и смущали умы орков. Они появлялись толпами, как грибы после дождя, и пытались учить и вести за собой толпу. На тот момент последователи Худжгарха были как стадо лорхов, без вожака. Нечто подобное происходило и сейчас.

Грыз снова дал отмашку, и отряд шагом двинулся дальше. Орк брезгливо поморщился, когда увидел под ногами неубранный навоз от лорхов. «Неужели сюда собрались только самые недостойные?» — подумал он. Он пригляделся к бунчу-

кам племен. Техколо, самарард, чивчаки и еще десяток таких же достойных уважения племен. Но грязь под ногами и спящие под повозками орки, безразличные ко всему, у Грыза вызвали протест. Он недоумевал, как за такой короткий срок воинский лагерь в походе — а именно таким он оставлял его — превратился в стоянку пастухов, обросшую нечистотами. Он ехал вдоль шатров, у которых и там и сям сидели орки и курили какую-то траву. Некоторые были неподвижны как статуи, уставившись пустыми глазами перед собой.

У первого встречного орка, который лениво шел мимо, не замечая приезжих, он спросил:

— Что делают эти воины? — Грыз пригнулся к луке седла и указал плетью на куривших.

Орк посмотрел на сидящих, следом так же лениво перевел взгляд на Грыза.

— Они познают истину, заблудший. — Тон и выражение лица орка не давали повода сомневаться, что он относится к Грызу и сопровождающим его воинам с презрением, что было само по себе странно. Грыза хорошо запомнили все последователи, его авторитет был непререкаемым, а отсутствовал он всего ничего.

— Ты меня знаешь? — на всякий случай спросил он орка. Может, он из новых и не видел предводителя последователей Худжгарха.

— Ты Грыз заблудший, — усмехнулся все так же с ленцой орк. — Чего тебе надо?

— А где Шаргныз, которого я оставлял за себя? — спросил Грыз.

Орк зло посмотрел на своего бывшего предводителя.

— Этот неверный убит, — ответил он и, презрительно сплюнув под копыта его лорха, пошел дальше.

— Неверный? — удивленно повторил Грыз и приказал: — Быть готовыми к нападению! Странные дела творятся нынче здесь. Поехали, послушаем этого проповедника. — И он ударом пяток подстегнул быка.

Толпа стояла плотно и благоговейно слушала, как вещал с телеги невысокий худощавый орк. Телегу окружил десяток воинов, которые не подпускали толпу близко к говорившему. Орк хорошо поставленным голосом просвещал слушателей:

— И увидел тот, имя которому Отец наш, что орки ослабли духом, стали мягкие, как души женщин, и вознегодовал. Послал он Меч свой карающий для вразумления детей своих. Чтобы кровью укрепить сердца их, чтобы телами братьев своих выстелили они дорогу храбрости и мужества к сердцам верных. Как имя этому Мечу? — заорал проповедник и приложил руку к уху.

Толпа разноголосо прокричала:

— Худжга-арх!

— Не слышу! — повторил проповедник, и толпа уже сплоченнее и громче заорала:

— Худжга-арх!

— Кто он? — так же громко прокричал, вопрошая, проповедник.

Грыз оглядел собравшихся, их глаза горели фанатичным огнем, и они, по всему было видно, верили тому, что говорил худой орк, стоявший на телеге.

— Он — Меч, карающий неверных! — в один голос ответила заведенная толпа.

— Воздадим же ал-лая нашему господину! За то, что он вспомнил о нас и послал вразумление! — снова во все горло заорал тщедушный проповедник, и крик его громом разнесся по лагерю.

Толпа подхватила этот крик и, подняв руки, заорала:

— Ал-лая! Ал-лая!

— Дети неразумные, — продолжил проповедник, — я пове-
ду вас к величию и бессмертию! Это трудный путь, он требует самопожертвования, и только самые верные достигнут его. А все сомневающиеся, слабые станут хворостом для костра святой мести. Вы хотите стать таким хворостом? — снова усилив голос, спросил проповедник.

И толпа, впадшая в экстаз, в едином порыве закричала:

— Не-эт!

Орк вытащил из поясной сумки горсть самокруток и кинул их в толпу.

— Дым просвещения поможет избранным познать правильный и единственно верный путь, — сопроводил он бросок словами.

По толпе прошло судорожное движение, и разлетевшиеся самокрутки расхватили, отталкивая друг друга, счастливычки. Орк между тем продолжал завывать, подняв руки к небу:

— Открой мне знания, господин мой!

Грыз перекинул ногу через седло и, поудобнее усевшись, подтянул колено к груди. Посмотрел на небо и снова обратил взгляд на застывшего проповедника.

— Жулик, — негромко сказал он.

Толпа примолкла, и его тихие слова были хорошо слышны в установившейся после драки за самокрутки тишине. На него с негодованием стали оборачиваться ближайшие слушатели.

— Ал-лая! — вдруг завопил проповедник во все горло, и толпа, ожидавшая какого-то чуда, вздрогнула.

Грыз внимательно оглядел лица слушателей. На них было выражение восторга, но глаза были пусты.

— Мне открылось небо! — опустил руки проповедник.

Грыз перевел взгляд на него.

— Ал-лая! — заревел тот.

И толпа в едином порыве бешено заорала:

— Ал-лая! Ал-лая!

Дождавшись, когда крики смолкнут, проповедник продолжил:

— И голос с небес мне сказал: «Иди к детям заблудшим моим и научи их любить меня. Кто будет любить брата, жену, или мать, или дитя свое больше меня, тот недостоин меня!» И вот я пришел испытать вас, не сам пришел, господин наш послал меня. — Он оглядел горящим взором собравшихся. — Есть ли среди вас те, кто хочет показать свою веру?

— Есть, учитель! — ответил громко кто-то, и, расталкивая толпу, к телеге пробился старый орк, таща за собой связанного юношу.

— Это младший сын мой, — дернул он веревку, и молодой орк упал на колени. — Неверующий он, меня соблазняет, чтобы ушел я и бросил господина нашего. Я хочу принести его в жертву.

— Вот достойный пример для подражания, братья! — показал на пожилого пальцем проповедник. — Воздадим господину нашему ал-лая и поддержим брата на пути его праведном.

Толпа заревела, повторяя:

— Ал-лая! Ал-лая! Ал-лая!

Грыз, смотревший до этого с ироничной улыбкой на представление худого, понял, что шутки закончились. Здесь под личиной свидетеля Худжгарха стоял самозванец и творил невообразимое. Что могло случиться с орками, что они потащили на жертвенник своих детей? И он, перекрикивая шум толпы, заорал:

— Стоя-ать!

Орки, окружившие телегу, оглянулись, и их крики смолкли. Они удивленно воззрились на Грыза, который в гневе смотрел на них.

— Остановитесь, орки, разве вы не видите, что вас обманывают! Это не свидетель Худжгарха, он его и не видел никогда.

Но толпа в ответ зароптала. Орк, стоявший на телеге, взмахнул рукой:

— Тише, братья, здесь у нас заблудший. Он не познал еще истину и не видел силу, дарованную Худжгархом, нам, его верным последователям. Если ты смел, воин, то выйди и сразись с одним из нас. — Он показал на орков, охранявших телегу. — Пусть победа достанется тому, кто прав, — вкрадчиво сказал проповедник. Довольный, он свысока смотрел на собравшихся. — Мы поступаем по нашим освященным творцом обычаям. Не так ли, братья?

— Так, учитель! — снова завопила толпа.

Грыз окинул быстрым, цепким взглядом собравшихся. Возбужденные орки с пустыми глазами обступили отряд Грыза и готовы были разорвать их. По всему было видно, этот проповедник применяет какую-то мерзкую волшбу.

— Я лучше призову молнию с неба, откуда к тебе пришел голос, незнакомец, и посмотрим, ответит ли оно мне. — Он оскалил клыки, вытянул руку и крикнул: — Молния, все разом!

И десяток молний ударили по телеге с неба. Часть из них попала в проповедника, а часть прошла по его охране. Сверкнул щит. Орк упал, но тут же, шатаясь, поднялся. От него шел дым и пахло паленой шерстью. Молнии пробили защиту, но, ослабленные, только оглушили проповедника. Он стоял покачиваясь, и все, кто были вокруг повозки, увидели, что вместо орка-учителя поднялся серый демон. Его хвост бешено стегал по телеге. Он помутневшими глазами оглядел толпу, тычу-

шую в него пальцами, посмотрел на свои руки и, вдруг поняв, что разоблачен, ловко извернулся, спрыгнул с телеги и опрометью, длинными скачками бросился бежать.

Толпа в страхе раздалась в стороны и пропустила его. Но тут тонко тренькнула тетива, и стрела вонзилась ему между лопатками. Раздался оглушительный взрыв, голова демона высоко подлетела вверх и, вращаясь, стала падать. В полной тишине она упала и подкатилась к ногам спешившегося Грыза. Он наступил на нее сапогом и остановил движение. Потом с силой ударил ногой и снова отправил голову в полет. Спокойно подошел к молодому орку и, разрезая веревки, которыми тот был связан, с грустной усмешкой сказал:

— Хорошего вы выбрали себе учителя, орки, прямо из преисподней.

ГЛАВА 1

Провинция Азанар

Овор в последнее время от обилия девушек, привезенных Ирридаром, терялся.

Он никак не мог предположить, что тот в свободное время займется тем, что будет спасать девиц. Ладно, предки с ними. Пусть спасает. Но он тащит их в поместье! Создавая двусмысленную, неопределенную ситуацию. Кем они стали для него и кем он стал для них? Этого не знали сами девушки и не говорил Ирридар. Он их привез, оставил и скрылся, а дядька должен был решать непосильную задачу, как заставить их мирно сосуществовать. Ситуация осложнялась завуалированным, а то и явным соперничеством. Вирона на дух не переносила Ринаду, та отвечала ей взаимностью. Они даже пытались перещеголять друг друга нарядами, но Лианора быстро это пресекла и выдала всем одинаковые платья. На робкие возражения она только приподняла левую бровь, и возмущение сразу угасло. Потом появилась эта очень странная черная красавица. Она не спорила, не старалась первенствовать. Не стала участвовать в этой подковерной борьбе, не стала становиться на чью-либо сторону, хотя хитрая берка пыталась сделать ее своим союзником. Она занялась магической защитой поместья и как-то естественно взяла на себя обязанности главы охраны. Ветераны-нехейцы убедились в ее профессионализме и спокойно, без возражений приняли ее старшинство. Здесь сказалось еще устройство общества нехейцев, где женщины часто возглавляли отряды самообороны селений, будучи избранными старостами. Поэтому у стариков не было проблем в том, чтобы признать женщину главной. Даже наоборот, они с гордостью называли ее «наша тана командир». Она установила следящие артефакты, усилила мины и наполнила ров хитроумными ловушками. Черная ловко орудовала кинжалами и

владела неизвестными здесь приемами рукопашного боя. Деды готовы были идти за ней в огонь и воду и между собой считали ее нехейкой. Но в то же время ее необычная красота и нежность, с которой она вспоминала Ирридара, выводили из себя остальных двух девушек. Особенно часто бунтовала берка. Если Вирона работала в трактире, а Чернушка была вообще начальником, то положение берки было самым незавидным. Она была свинаркой. Ухаживала за поросятами и убирала за ними.

— Дядя Овор, — периодически плакала она, — я больше не могу. Этот запах меня всюду преследует, от меня ужасно воняет, и я чувствую, что сама скоро превращаюсь в свинью.

Овор тяжело вздыхал и обращал свой грустный взор на спасительницу-дворфу. Та не знала сомнений и всегда спокойно говорила:

— Дорогая, ты заблуждаешься. Поверь мне, ты всегда пахнешь как полевой цветочек. Хочешь пойти в трактир подавальщицей?

Ринада в ужасе замахала руками, вспомнив первый и единственный день, когда она «вышла в свет». Посетители ее сразу заметили, и один дворянин тут же силой усадил ее себе на колени. Недолго думая рукой залез ей под юбку. Ринада взревела как морская сирена и укусила нахала за нос. Потом огрела кружкой по голове и, когда тот упал, бросилась бежать от его охранника. Скандал тогда еле замяли, выплатив приличный откуп.

— Дело в том, что ты, дорогая Ринада, ничего не умеешь делать. Посуду мыть ты отказалась. В трактире работать не хочешь, остаются только поросята или работы в саду.

— Я не могу работать в саду, — ответила берка, — там этот ужасный пруд. Мне страшно. Научите меня сражаться на мечах, я в охрану пойду.

— Ринада, — мягко сказал Овор, — учить воинскому искусству вас уже поздно, это надо было делать с детства. Может быть... — Он замялся. — Не подумайте плохого... что я вас гоню. Но, может быть, вам лучше будет взять денег... я дам достаточно, чтобы вы могли прожить, — поспешно добавил он, — пока не устроитесь. И уехать?

Берка затравленно огляделась:

— Нет, тан Овор, я лучше останусь с поросятами.

Жизнь в поместье протекала вроде бы мирно, но, как серый страж, Овор отчетливо чувствовал разливающееся в воздухе напряжение. Это тревожило его и не давало обрести покой. Для него стало сильным потрясением, когда воспитанник в очередной раз привез девушку.

Он взглянул в ее черные блудливые глаза и обмер.

«Это конец, — подумал он. — Девочки сейчас сорвутся с цепи, на которую их посадила дворфа, и устроят погром».

Именно это и случилось. Смелое, откровенное заявление приезжей возмутило всех, в том числе и черную начальницу охраны, и орчанку, которая помогала в трактире наводить порядок. Уж к ней-то не лез ни один аристократ или подвыпивший наемник. Жезл за поясом, длинный кинжал, горящие яростью глаза и клыки отбивали желание у любого охочего до сладкого. С ней также не спорили охранники из оставшихся наемников. Мага Овор наградила и отпустил. Бывалые ребята сразу поняли все плюсы ее командования. Им теперь не было необходимости вмешиваться в разборки с дворянами. Достаточно было появления таны Ганги, и все склоки и драки прекращались сами собой. Никто не хотел связываться с орчанкой. Был, правда, один глупец, что пожелал удовлетворения, но после того, как она на дуэли отрубила ему руки, авторитет девушки взлетел до небес.

Овор сидел тихо в уголке, пока молодой Аббаи делал внушение женской половине поместья, и с небольшим расстройством в чувствах размышлял. Наивный юноша подарил надежду девушкам, пусть не сознательно, а из благородства, не преследуя далеко идущие цели. Но он опрометчиво сам поставил их в такое сомнительное положение и теперь хочет их лишиться этой надежды, которую каждая из девушек взлелеяла в своей душе, может быть, даже украдкой от самой себя. И конечно же не смогла удержать в тайне с появлением еще одной смазливой мордашки.

Овор незаметно приглядывался к стоявшей за спиной орчанки девушке. И чем больше он думал и подмечал ее жесты, то, как она смотрит, стоит и двигается, тем явственнее понимал, что она больше подходит для шпионки, любовницы, тайного убийцы или телохранителя, но никак не годится на роль служанки. Вернее, роль служанки она могла играть в совершенстве, но он-то был обучен выявлять именно таких вот слуганок. Имя странное — Рабэ, что за имя такое? Овор, погру-

звившись в свои мысли, особо не прислушивался к тому, что говорил Ирридар. А тот встал и ушел, словно разрешил все проблемы. Нет, он их только усугубил, подумал дядька и вздохнул, но, так как он сделал это несколько громче, чем надо было, на него обратили внимание. Орчанка, произнеся:

— Значит, так, слушайте... — замолчала и в упор уставилась на него.

Овор понял, что девушки решили все взять в свои руки и он им только мешает. Встал и, прощаясь, сказал:

— Вы, девушки, простите, но у меня дела, надеюсь, разберетесь тут без меня.

Девушки в полном молчании глазами проводили Овора и обратили взоры на орчанку.

— Значит, так, слушайте, — повторила она. — Не скрою, Ирридар меня выиграл как приз, но за это он получил право основать свой род, и я в него вошла как невеста. Он не может отказаться от меня, если я не нарушу правила приличия и не изменю ему. Поэтому он обещал жениться. — Она замолчала, обдумывая, как преподнести неприятную для нее правду, но все же продолжила: — Если я выполню его условия. — Она снова замолчала, прикидывая, что можно сказать, а о чем лучше умолчать.

— Какие условия? — не выдержала берка.

Орчанка наконец решила для себя, что можно говорить, а что нет, и продолжила:

— Это не важно, хотите, у него спросите. Я же в ответ выставила свои условия.

Девушки жадно внимали ей, желая услышать откровения.

— Условия такие. Я дам согласие на других жен, если они будут красивые. — Она оглядела всех, и их щеки стали пунцовыми. Видимо, каждая примеряла на себя наряд невесты, определяя, насколько она соответствует эталону красоты. — Если они будут послушны ему, покажут свое искреннее уважение... — Она с усмешкой посмотрела на каждую в отдельности и закончила: — И если я увижу, что они его искренне любят.

В столовой воцарилась тишина. Девушки обдумывали сказанное орчанкой. Ганга тоже молчала, все, что было нужно, она сказала, она была первой невестой, и с этим уже ничего не поделаешь.

— Как жаль! — наконец произнесла Лианора. — Я уважаю хозяина и люблю его, но я некрасива-а-я-а, — прорыдала она.

Остальные сначала оторопело уставились на нее, а потом все вместе стали уговаривать и утешать.

— Ну что ты, Лия, ты очень красивая. — Вирона встала, пересела к ней поближе и обняла ревущую дворфу. — Ты гораздо красивее некоторых.

— Правда-а? — прохлюпала дворфа. — Ты считаешь, что я красивая? Но я маленькая и широкая!

— Успокойся, ты хоть и маленькая, но красивее той же Ринады, — погладила ее по голове Вирона.

Берка вскочила:

— Да, Лия, ты красивее многих. Хоть ты и невысокая, но ты не такая толстая, как Вирона, вот ей уже никогда не стать невестой нашего спасителя. Что касается меня, — она обвела всех горящими от негодования глазами, — то я не претендую на роль невесты. Да и зачем барону иметь жену-свинарку. — Она развернулась и выбежала из комнаты.

Девушки удивленно посмотрели ей вслед.

Дворфа укоризненно взглянула на Вирону и покачала головой.

— Ну что ты ее все время задираешь? — мягко спросила она.

Лианора уже успокоилась и стала прежней — твердой как скала и доброй, как бабушка.

— Да больно нужно задирать эту выскочку, — прошипела Рона. — Меня тоже вычеркните из невест. Не гожусь я для этого. — Она раздраженно дернула плечом, набычилась и вышла вслед за Ринадой.

— Ой! — спохватилась дворфа. — Мне же надо продукты принять! — И быстро покинула зал.

В столовой остались трое: Ганга, с удивлением наблюдавшая за происходящим, Рабэ, стоявшая тихо как мышка за ее спиной, и Чернушка, сидевшая задумчиво, устремив взор в потолок.

— Странное у тебя имя, Чернушка, — прервала затянувшееся молчание Ганга. Она украдкой разглядывала замечтавшуюся чернокожую девушку и не могла не отдать ей должное — та была красива, неповторимо красива своей необычностью.

Чернушка посмотрела на Гангу:

— Это имя мне дал мой друг, а раньше меня звали Ильри- дана.

Орчанка оглядела чернокожую красавицу: спокойная, решительная, воинственная, красивая, надежная. Да, она была бы не прочь иметь такую сестру, но кое-какие сомнения все же оставались...

— Это не ты ли хотела принести в жертву Ирридара? — сопоставив услышанное от Фомы про черных ведьм и увиденную здесь в поместье Ильридану прищурилась орчанка.

— Нет, это мои сестры. Они хотели и меня принести в жертву, но... но не смогли.

— А почему? — Ганга подалась вперед, поняв, что наконец-то подобралась близко к тайне жениха.

— Спроси у него, — неожиданно ответила девушка и поднялась. — Мне тоже пора, скоро смена караулов.

Она ушла, оставив разочарованную Гангу наедине со служанкой и невеселыми мыслями. Орчанка не ожидала, что у нее появится столько соперниц, не понимала мотивов своего жениха, который заполнил дом Овора красавицами. С одной стороны, он не проявлял к ним никаких чувств, с другой стороны, зачем было их собирать. Он был для нее непонятен и притягателен одновременно.

Вирона, пылая яростью, гневом и ревностью, вошла в свою комнату. Поместье было большое, строилось с размахом, и свободных комнат было достаточно. У нее даже была не комната, а апартаменты: спальня, гардеробная и маленький уютный зальчик с камином. Она бухнулась в кресло и разревелась. Все в этой жизни происходит не так, как ей думалось в детстве, не так, как она представляла себе в своих девичьих мечтах. Вместо счастливой жизни на какой-нибудь обитаемой планете она торчит тут одна. И единственную отдушину, которая у нее была, и ту забрали. Вирона вытерла глаза и уставилась на огонь в камине. Она, конечно, отдавала себе отчет, что когда-нибудь, возможно, даже скоро ее отзовут и она вернется в мир, напичканный плодами цивилизации. Она бросит все здесь и забудет как страшный сон. Юный барон тоже останется здесь, и, быть может, она даже будет по нему скучать. Но сейчас ей нужна была его грубая ласка, нужно было чувствовать его сильные руки на своем теле и пылать жаром желания, чтобы потом млеть, лежа рядом с ним.

— Бесчувственный чурбан! Эгоист! Любит только себя. Натаскал девок и рад, что спихнул на дядьку. У-у! Убила бы! Вместе с этой противной мышью! — Она разговаривала сама с собой.

Перейдя в спальню, Вирона разобрала постель и легла, уткнувшись в подушку. Как он не понимает: он ей очень нужен, только он не дает ей сойти с ума в этой проклятой дыре! Зачем ее здесь держат? Она не работает по специальности, с ней нет связи, ей не дают выхода на спутник. Она может только принимать сообщения. Неужели там, в Аде, работают одни идиоты? Какую информацию она будет здесь анализировать? Количество поросят в свинарнике у Ринады? Ее мысли перескочили с любовника на начальство и вернулись обратно. Любит ли она его? Наверное, да. Только как-то по-другому, не как человека, с которым могла бы связать свою жизнь. Он не был ее первым мужчиной, он не использует, как другие, разные электронные стимуляторы, скачанные на нейросеть и продлевающие наслаждение. Скорее, это влечение к сильному мужчине, к красивому любовнику. Хотя встречи их редки и пусть полны бурных бессонных ночей, но это не то, что она хочет получить от жизни. Он не приносит с собой покой и умиротворение, вместе с ним приходит тревога, скандалы и какие-то происшествия. Он всегда в гуще событий и полон тайн. С ним нелегко, думала Вирона, засыпая.

Она не покидала свои комнаты, пока Ирридар гостил в поместье, а утром он и орчанка уехали. Вирона сказалась больной и не пошла в трактир. Вечером, устав сидеть затворницей, накинула шубку из какого-то лохматого зверька и вышла в сад. В поместье вдоль аллей стояли магические светильники. Ирридар постарался, вспомнила она. Хруст снега под ногами успокаивал, и, проходя мимо пруда, она подумала: «И чего его бояться? Дикари». Вирона свернула к домику прислуги. Она успела сделать только три или четыре шага, как неожиданно у нее потемнело в глазах, потом подступила легкая тошнота, и она упала, потеряв сознание.

Овор готовился ко сну, когда в дверь постучали. Накинув халат, он пошел открывать. На пороге стояла гресса Ильрида-на и за ней конюх, который по совместительству был еще и дворником. Странная компания пожаловала к нему на ночь глядя. Овор плотнее запахнул халат и спросил:

— Что-то случилось, гресса Ильридана?

— Я думаю, да, господин Овор. Пропала Вирона.

— Как пропала? — Овор непонимающе посмотрел на Чернушку, потом на стоявшего за ее спиной конюха. — В каком смысле пропала?

— В прямом, тан. Вышла в сад и на глазах рена Гринжи пропала. Расскажите, рен, что вы видели, — обратилась она к конюху и отступила в сторону.

Тот помялся, держа шапку в руках, потеребил мочку уха, пальцем провел по носу и ответил:

— Так это, я почти ничего не видел, значит. Только вышел из дому дров принести. Жена моя Маргуна попросила, хотела тесто на пироги поставить и ночью их испечь, значит. Для молодого барина в дорогу, значит. Маргуна знает, что ее пироги барин очень любит и забирает все. — Его лицо стало довольным, он поправил усы. — И то сказать, ваша милость, пироги у Маргуны выходят замечательные. Она рецепт теста особый знает, а начинка у нее всегда разная, значит.

Овор терпеливо ждал, не перебивая, пока конюх доберется до сути. Стоит его перебить, и он начнет путаться и не сможет рассказать то, что и хотел бы. Работник он был хороший, но как рассказчик никакой, двух слов вместе связать не мог. Но вот лошади его понимали сразу. Он что-то промычит, буркнет, и они слушаются, выполняют все его команды.

— Вот, значит, вышел я за дровами, а мне навстречу идет ваша племянница. Шла-шла и пропала. — Он шмыгнул носом и замолчал.

Овор почесал небритую щеку.

— Как она пропала, Гринжа? — Он не мог понять до конца, что тот имел в виду, говоря «шла-шла и пропала».

— Не знаю, ваша милость, только пропала, и все, была — и ее не стало.

— Гресса Ильридана, может, вы поясните мне, о чем идет речь? — обратился он к начальнику своей охраны.

— Тан Гринжа, как пропала Вирона, искал ее на том месте, где она исчезла, и, не найдя, рассказал обо всем своей жене Маргуне, та прибежала в караулку и сообщила охране, ребята искали девушку по всему поместью и, не найдя, позвали меня. Я проверила все, что можно, Вироны в поместье нет. — Она посмотрела в глаза Овора и ответила на легко чита-

емый в них вопрос: — Трактир мы тоже проверили и дорогу к нему, два раза.

— А остальные девушки на месте? — с тревогой спросил он.

— Не только девушки, тан, остальные обитатели поместья все на месте, и никто Виرونу не видел со вчерашнего дня. Но я знаю, что она просидела у себя в комнате, дождалась отъезда Ирридара с невестой и только вечером вышла прогуляться. Вот во время прогулки она и исчезла.

— Фому видела? — спросил Овор.

— Нет, он еще не появлялся, я усилила посты и установила дополнительное дежурство. Всех предупредила, чтобы по двору бесцельно не бродили. Нас атаквали, тан Овор, и Виرونу скорее всего похитили.

— Или она решила спустить пар и погулять одна, — предположил Овор. — У нее есть возможность скрываться с глаз. Приезд Ирри и появление его невесты она восприняла болезненно. Подождем пару дней, если Рона не появится, сообщим Ирридару. Но твои действия правильные, поступай так и дальше. Проверяйте всех несколько раз по кругу, если еще кто-то пропадет, значит, это происки врагов. Но будем надеяться, что это только всплеск ревности, и когда он поутихнет, то она вернется.

— У меня тоже всплеск ревности, но я-то на месте, — проворчала Ильридана и посмотрела на конюха. — Все понял?

— Чего? — удивленно переспросил он.

— Коней перепроверяй несколько раз по кругу, — ругнулась всегда уравновешенная дзирда и, недовольно взглянув на Овора, пошла прочь.

— А чего их проверять? — нахлобучив шапку и сдвинув ее на лоб, ответил ей вслед Гринжа. — Я их, лошадок, за лигу чую.

Королевство Вангор. Пригород столицы

В придорожный трактир вошел человек в сопровождении охранника. По одежде он походил на купца средней руки. Добротный шерстяной камзол, крепкий, без украшений, пригодный для дальних путешествий. Под ним угадывалась кольчуга тонкого плетения. Такой же плащ, подбитый мехом белки, и высокие сапоги с отворотами. Купец стряхнул снег со шляпы и огляделся. В трактире было не очень много народу.

Семеро наемников, пара захудалых аристократов, которым не хватало средств на более дорогой трактир с залом для благородных и они коротали время и отогревались вместе с остальными, да трое таких же купцов, как и он. Потопав ногами, сбивая с сапог налипший мокрый снег, он прошел к одному из свободных столов и уселся спиной к двери. Охранник сел напротив, внимательно наблюдая за входом в трактир и залом. Сонный подавальщик неспешно подошел к этим двоим и, прикрывая ладонью зевок, спросил:

— Что заказывать будете?

— Что-нибудь горячее, мясо и подогретое вино, — не задумываясь ответил купец. Он зябко потер руки и добавил: — Сначала вино неси.

В зале было тепло и немного душно, пахло едой вперемешку с кислым запахом мокрой кожи. Купец, согревшись, развалился на стуле, единственной роскоши в этом трактире. На посетителей он не обращал внимания. Охранник тоже успокоился и перестал зыркать по сторонам. Им принесли подогретое вино, и оба с наслаждением уткнулись в кружки. Трое купцов поднялись и, негромко переговариваясь, направились на выход. У самой двери резко развернулись, выхватили маленькие арбалеты, направили их на купца и охранника, но больше ничего сделать не успели. Они застыли, потом повалились на пол. Наемники поднялись, у двоих в руках были странные, недлинные, сантиметров двадцать, палки. Хозяин трактира и подавальщик, увидев, как стали развиваться события, шмыгнули в дверь за стойкой и скрылись. Купец поднялся и подошел к лежащей у входной двери троице.

— Ну вот, первая рыбка на крючок попалась. Забирайте их и увозите. — Он оглядел зал и увидел еще одного мужчину, сидевшего за столом в уголке, тот сжался и старался быть незаметным. — Этого тоже забирайте.

Двое из отряда наемников направились к неподвижно сидевшему мужчине. Тот вдруг нырнул под стол и опрокинул его, а к ногам воинов покотился шар.

— Огненная бомба! — заорал один из них и бросился на пол, но было поздно.

Яркая вспышка озарила трактир. Прозвучал оглушительный взрыв, разрывая ушные перепонки, дым заволок зал. Вспыхнул пожар, отсекая метателя бомбы от наемников,

и все, кто остался жив, бросились вон из трактира. Алхимическая огненная бомба не знала преград и пожирала все, что ей попадалось. От ее жара плавилось железо, и если не успеть, то можно было запросто сгореть. Кроме того, дым, который выделялся при горении, забивал дыхание, был вонюч и ядовит.

Купец и четверо наемников успели выскочить сами и вытащить троих обездвиженных стрелков. Они оттащили тела подальше и подождали, когда к ним подъехала закрытая со всех сторон повозка. Загрузили тела и быстро погнали коней в сторону столицы. Трактир полыхал вовсю, языки пламени показались из окон и охватили ставни. К зимнему небу поднимался столбом густой дым. Из-за конюшни выглянул человек в обгорелой одежде и пристально посмотрел вслед быстро удаляющейся повозке. Волос на его голове не было, обожженный череп покрылся волдырями. Человек взял пригоршню снега и приложил к голове. Затем вывел лошадь из конюшни, выпустил остальных ржущих в страхе животных, запрыгнул в седло и, крикнув: «Хой-хей!» — пришпорил своего коня и унесся в противоположную от удаляющейся повозки сторону.

Советник своими блеклыми невыразительными глазами смотрел на Искореняющего. Он выслушал доклад и повторял вслух услышанное, стараясь отложить в уме и понять.

— Значит, вы захватили троих из братства. Четвертый устроил пожар и в плен не сдался. Вы потеряли троих при захвате и уверены, что поджигатель тоже сгорел.

Он задумчиво побарабанил пальцами правой руки по столу, его взгляд остекленел, но через несколько мгновений к нему вернулась осмысленность.

— Ну что же, вполне возможно. Вероятность такого исхода — девяносто пять процентов с сотыми. Это если у него не было амулета защиты от огня, а он, скорее всего, у метателя был. Не надо его считать идиотом. Братство уже показало, что оно умеет отвечать на вызовы. Так что пока будем считать, что он жив. Продолжайте операцию, шире охватите трактиры в пригороде и в самой столице. Если он жив, то они затаятся и будут действовать по запасному плану, а он у них есть. Обязательно должен быть. Но учитывайте, это не спецслужбы, это наемники. И вариантов у них не так много. Поставьте анали-

тикам задачу оценить их дальнейшие возможные действия и позовите ко мне герра Веймара.

После ухода посетителя советник прикрыл глаза и дал волю чувствам.

«Идиот! Он считает, что поджигатель погиб! — мысленно простонал он. — Нет, они точно разучились работать. Их надо проредить, показательно наказать и вызвать новых специалистов, пусть свежие мозги придадут импульс организации. А казни заставят думать остальных».

Провинция Азанар. Город Азанар

В кабинете ректора академии мессира Кронвальда внезапно появился Гронд, он возник из воздуха в своем любимом кресле и с обидой уставился на мессира. Тот сидел за своим столом и попивал любимое ими вино из высокого бокала.

— Один, значит, пьянствуешь! — произнес Гронд.

Ректор от неожиданности поперхнулся, вино попало не в то горло, и он, широко раскрыв глаза, закашлялся. Гронд встал и похлопал его по спине.

— Вот видишь, как вредно пить одному, старина. Поверь мне, это до добра не доведет.

Мессир сначала стал красным, потом немного посинел и, потрясая кулаком, силился что-то сказать. Но у него выходило только кашлять. Наконец он мог вздохнуть, и слезы выступили у него на глазах.

— Старый пень, чтоб ты окошел где-нибудь! Разве можно так пугать? — с трудом просипел магистр и приложил платок к глазам, вытирая наворачнувшиеся слезы.

— Если бы ты не жадничал, а угостил благословенной лозой и меня, своего друга, то не пришлось бы страдать. Тем более что есть повод, — тихо посмеиваясь, ответил Гронд.

— Какой повод, старый? Я согреться хотел. — Мессир бросил быстрый взгляд на своего начальника службы безопасности.

— Повод отметить подвиги нашего нехейца, господин ректор. — Гронд достал свиток и с ожиданием уставился на ректора.

Тот перевел взгляд на свиток:

— Это что?

— Это описание семи подвигов барона Ирридара тан Аббаи Тох Рангора, — торжественно произнес Гронд и уставился на бутылку.

Мессир проследил за его взглядом. Понимая, что Гронд начнет говорить только после того, как ему нальют вина, вздохнул, и в этом вздохе явственно проскочило сожаление. Гронд даже глазом не моргнул. Такое вино было только у Кронвальда, и привозили его с острова магов, которые жили посреди Моря слез. Его не было даже у короля. Мессир вынул из шкафа еще один бокал и налил вино. Молча пододвинул другу. Гронд взял бокал, понюхал и блаженно прикрыл глаза.

— Ах, какой изумительный вкус у этого божественного напитка... — проговорил он и сделал маленький глоток. Покатал вино во рту и сглотнул. — Божественно! Теперь можно зачитывать подвиги. — Он развернул свиток. — «От агента тайной стражи без позывного, посланного на смерть ректором академии и его подельником мастером Грондом. Донос».

— Что он написал? Донос? — приподнял лохматые брови ректор.

— Так точно, господин ректор, донос. Я продолжу?

— А куда мы его послали? На смерть? — Ректор удивленно посмотрел на друга. — А ты подельник, значит!

Гронд кивнул.

— Читать?

Мессир махнул рукой:

— Читай.

Гронд уткнулся в свиток и продолжил:

— «Я прибыл согласно заданию в славный город Бродомир и поступил в распоряжение великого мастера-артефактора всех времен и народов магистра Луминьяна (по совместительству тоже агент тайной стражи), он стал моим куратором и дал задание внедриться в орочью среду. Но перед этим испытал меня, заставив перемыть всю алхимическую посуду. С этим заданием я справился успешно и пошел выполнять второе».

— Это какой Луминьян? Идриш, что ли?

Гронд прервался и молча кивнул.

— Надо же, мастер-артефактор всех времен и народов... Он учился на курс младше меня и чистил сапоги нынешнему ректору Вангорской академии, — хмыкнул мессир ректор. — Читай дальше, очень занимательно.

Гронд снова опустил глаза на свиток.

— «Первый подвиг во славу Его Величества Меехира Девятого. Я должен был внедриться в род Гремучих Змей, это было

трудно, и мне сразу сказали, что это невозможно. Мне сказали, что меня специально послали на смерть, чтобы присвоить себе мой оклад тайного стражника. Подтверждением этого является то, что я его так и не получил. Задание я успешно выполнил, и Гремучие Змеи приняли меня в свой род».

— Я до сих пор не понимаю, как это у него получилось? — проговорил ректор.

— Если бы ты полизал сиську орчанки, тоже бы вступил в род, — ответил безопасник и уже с раздражением спросил: — Ты до конца слушать будешь, не перебивая?

Мессир Кронвальд промолчал и только пожал плечами.

— «Второй подвиг во славу Его Величества Меехира Девятого. Мне было дано задание добиться расположения муразы сивучей, что я и сделал, и был приглашен на пир. Там меня выкрали и хотели отрубить руки и ноги. Но мне было знамение повергателя драконов принца Азанара. Он явил чудо и унес меня в неведомую страну Лилипутию. Там все люди маленькие, мне по пояс. Я был представлен их королю и передал от Его Величества Меехира Девятого добрые пожелания на словах, в ответ через меня передали такие же добрые пожелания нашему благословенному монарху, многие ему лета, и руна в качестве подарка. Руна волшебная, ее можно вставить в любой предмет, и она придаст силу тому, кто будет владеть этим предметом».

Ректор уставился на Гронда.

— У меня тоже есть руна, она досталась мне в молодости на раскопках в заброшенных городах дворфов. Но я не знаю ничего о ее свойствах. — Он залез в свой шкаф, вытащил маленькую бляшку и показал Гронду. — Вот.

— Ты хочешь сказать, что он пишет правду? — спросил старик, несколько сбитый с толку.

— Не знаю. Но откуда у него руна, не нашел же он ее? Я о таких случаях не слышал. Вот эта руна одна из трех, о которых вообще известно. Одна у меня, одна в академии Вангора, и одна у магов на острове.

— М-да, — неопределенно произнес Гронд. — Но слушай дальше. «В этой стране летают большие птицы, такие, что могут поднять человека. Они подхватили меня и перенесли в степь. Третий подвиг во славу Его Величества Меехира Девя-

того. Я попал в руки свидетелей Худжгарха, и они сохранили мне жизнь, посчитав самым Худжгархом».

— Вот наглец! — хмыкнул ректор. — Самим Худжгархом. Почему не великим ханом? Герой!

Гронд оторвался от чтения сделал глоток вина и сказал:

— Это мелочи, ты слушай дальше. «Четвертый подвиг во славу Его Величества Меехира Девятого. Я прибыл в ставку великого хана, он болел. И его не могли вылечить шаманы. Я, используя знания, полученные в Академии магии Азанара, да продлятся годы ректора академии мессира Кронвальда и да отберут у него жалованье, как у меня, его вылечил, по указанию магистра Луминьяна».

— Я вот не пойму, — перебил Гронда Кронвальд, — парень вымысел мешает с правдой? Если так, то для чего? Да еще написано в такой манере... — Он замолчал, подбирая слово.

— Нет, Крон, думаю, парень написал правду, а манера такая оттого, что он над нами решил поиздеваться, ведь это мы его отправили в степь, откуда он вернулся и попал в тюрьму.

Мессир скептически посмотрел на друга:

— И Лилипутия тоже правда? И орлы, перенесшие его обратно в степь? И принц Азанар?

— Я и не такие донесения читал, — усмехнулся Гронд. — Мальчик еще поскромничал. Пока он пишет в русле нашей легенды, что мы для него придумали. А проверить, были орлы или нет, мы не можем, так же как и явление Азанара. Но у него есть руна, а это неоспоримое доказательство. Вот так-то. Дальше читать? — Он посмотрел на ректора.

— Давай дочитывай, — махнул рукой мессир.

— «Пятый подвиг во славу Его Величества Меехира Девятого. Я дрался вместе с правой рукой великого хана против восставших орд кочевников и за смелость и храбрость был удостоен сесть по левую руку от великого хана. Это был шестой подвиг во славу Его Величества Меехира Девятого. Седьмой подвиг я совершил вместе с графом Саккарти, мы добились мира для Вангора. Все.

Постскриптум. Меня по прибытии посадили в тюрьму, наверное, по навету тех, кто зажилил мое жалованье. Но милостью богов и великодушием Его Величества Меехира Девятого я был выпущен на свободу. Барон Ирридар тан Аббаи Тох Рангор».

— А чего он за жалованье уцепился? — спросил архимаг. — Ты ему не выплатил его?

— А ему никто и не начислял, думали, он будет благодарен за свободу.

— Кто, молодой Аббаи? — усмехнулся ректор. — Ты вспомни, как он три шкуры драл со всех, кто его задел. Теперь понятно, почему он прислал такое донесение. Он, можно сказать, из кожи лез, подвиги совершал. А его заставили вступить в стражу и не выплатили жалованье. На тебя, Гро, это не похоже.

— Так кто же думал тогда об этом, вопрос стоял, как спасти парня. А он возмутился, раз приняли в стражники и он выполнял особое задание, так сразу с порога — дайте жалованье. Ни «здравствуй» мне, ни тебе «спасибо».

Ректор крикнул через дверь:

— Луцис, вызовите ко мне студента Аббаи, и срочно!

Я раздумывал над сообщением Борты, который передал мне его через переговорный амулет. Такой амулет действовал на короткие расстояния, от забора академии и до моей комнаты, и при этом жрал уйму энергии. Мог передать пару предложений, и все. Что с Вироной могло приключиться? Если бы кто-то появился вблизи поместья, то Фома точно бы об этом знал. Вышла погулять и исчезла прямо со двора. Психует, подумал я. Она очень негативно и резко восприняла информацию о невесте. Как будто я ее собственность. В постель я ее не ташил, сама запрыгнула. И что, это дает ей право предъявлять на меня свои права? Небось надела скафандр и пошла нервы успокаивать. Отсюда и внезапность, с которой она исчезла.

Прикинув и так и этак, я решил не спешить спасать Вирону. С нее станется устроить свое похищение, как-никак у Овора училась. Артистка. Я опять попал в ситуацию, когда не понимал до конца женщин. От чего отталкиваться для понимания логики Вироны? От того, что она собственница? Как собака на сене. Сама не ам и другому не дам. Ведь хорошо понимает, что ее отсюда заберут и она навсегда исчезнет из моей жизни. А я, если появлюсь в открытом мире, то буду обходить ее десятой дорогой. Мне внимание АДа никоим образом не нужно. Нет, у ревнивых баб просто нет логики, пришел я к выводу и стал собираться в академию.

Хочу сделать для вассалов сюрприз. Они придут в столовую, а там я сижу. От мыслей о своих бездарях мне стало тепло на душе. Я умылся, привел себя в порядок, сбрил щетину и надел синюю мантию. Уже не помню, когда ее надевал в последний раз. Не успел я покрутиться перед зеркалом, как в дверь постучали и, не спрашивая разрешения, вошли два стражника. Я всегда удивлялся, откуда они берутся. Ни разу я их не видел в академии, когда все спокойно. Но стоило произойти какому-нибудь мало-мальскому происшествию, и они сразу же тут как тут.

Я уставился на них самым суровым взглядом, на какой только был способен, но им мое недовольство было абсолютно безразлично. Можно сказать, до лампочки.

— Тан Аббаи, вас вызывает господин ректор. Следуйте за нами, — проговорил, по-видимому, старший из них двоих.

Ага, сейчас! Буду я идти под охраной двух лбов! Хватит, нагулялся в Бродомире.

— Это что, арест? — приподняв брови, посмотрел я на них.

— Нет, господин студент, просто вызов к господину ректору, — спокойно ответил тот же стражник.

— Ну, тогда не смею вас задерживать. Я сам дойду.

— Это невозможно, тан, у нас приказ вас сопроводить, — монотонно и раздражающе проговорил стражник.

— От кого исходил приказ? — спросил я, понимая, что эти два служаки будут гнуть свою линию, пока их не убьют или они не добьются своего. Но идти с ними я не хотел, опять могут начаться пересуды и ненужные вопросы, за что и почему. Я тан, я барон, аристократ, в конце концов. А не просто студент и сын барона. Надо расставить все на свои места, подумал я.

— От секретаря господина ректора, рена Луциса, — ответил стражник. Он стоял как столп правосудия и его карающий меч, и ничто не могло поколебать его решимости выполнить приказ.

Я прекратил спорить и согласно кивнул, показывая, что понял. Сказал:

— Сейчас вернусь, подождите, — зашел в коридор и вышел через внутренний двор, телепортировался к крыльцу центрального входа и уже оттуда спокойно поднялся наверх. В приемной, где сидел секретарь Луцис, я задержался.

— Господин секретарь! — Голос мой был полон надменности и высокомерия. — Хочу вас предупредить, что я не просто студент или сын барона. Я являюсь единственным бароном среди студентов. Мое полное имя барон Ирридар тан Аббаи Тох Рангор. И если вы еще раз пошлете за мной стражу, я вызову вас на поединок и убью!

И, больше не обращая внимания на остолбеневшего Луциса, прошел в кабинет. Там находились два старых интригана, которые без зазрения совести используют меня повсеместно в своих целях. Я им, честно сказать, перестал доверять.

— Добрый день, господа! — поклонился я поклоном Ово-ра. — Мне сообщили, что вы, господин ректор, хотели меня видеть. — И, не дожидаясь ответа, спросил: — Вы разрешите присесть?

Ректор хотел что-то сказать, но своим вопросом я опередил его и сбил ему настрой. Он слышал из-за дверей, что я считаю себя полноправным бароном, и это уже другой статус в наших взаимоотношениях. Отказать мне он не мог. Поэтому, стоя за столом, показал рукой на свободное кресло и выдал из-под густой бороды:

— Присаживайтесь, барон.

— Благодарю, господин ректор. По правде, я очень устал в дороге, и мне не хотелось бы отнимать у вас драгоценное время. Так чему я обязан вашим приглашением? — сделал я упор на последнее слово и повел разговор в нужном мне русле. Неожиданно для самого себя я не почувствовал раздвоения. В этой ситуации нехеец и русский нашли взаимопонимание и действовали заодно. Надо будет это проанализировать, сделал я себе зарубку на память.

Гронд, сидя в кресле, в разговоре не участвовал, а только захекал, пытаясь за кашлем скрыть смешок.

Мессир Кронвальд спохватился, что я сижу, а он продолжает стоять, и тоже сел, недовольно зыркнув в сторону Гронда.

— Не много ли на себя берете, барон? — хмуро спросил ректор. — Ваше баронство еще нужно утвердить у его величества. А угрожать моему секретарю — это верх наглости.

— Не нужно, господин ректор, — парировал я. И нагло уставился на него.

— Чего не нужно? — не понял он.

— Не нужно ничего подтверждать, господин ректор, достаточно того, что у меня есть те, кто принят мной в мой новый род Тох Рангор.

— И кто же это? — язвительно спросил архимаг, с усмешкой смотря на меня.

— Небесная невеста орков, Ганга Тох Рангор из рода Гремучих Змей, и этот род орков признает мое баронство. Снежный эльфяр Гради-ил из дома Высокой обители. Этого вам достаточно?

Архимаг замер с открытым ртом. Род, полноправными членами которого являются представители разных народов, имеет широкий иммунитет. За него вступятся и орки, и снежные эльфяры. Я не знал, какое положение занимал дом Высокой обители в иерархии снежных эльфяров, но то, что род, в котором состояли верховный шаман и правая рука верховного вождя, ввел своего высокого представителя в мой род, делало меня несомненным фаворитом среди других баронов. И не важно, что род существовал меньше месяца. По традициям всех народов, населяющих Сивиллу, этот род был отмечен Творцом. Таких были единицы. И это было в далеком прошлом.

Мессир Кронвальд с недоверием уставился на меня, хотя он видел, что я не вру, но в его взгляде было еще что-то, вроде бы как мелькнул испуг и тут же пропал.

И тут меня озарило. Ну как же я мог забыть, ведь Ганга была не только из рода Гремучих Змей, она представляла всех орков. Я с улыбкой акулы, готовой сожрать пловца, поглядел на архимага, попавшего в сети собственного недоверия. Архимаг поморгал и, изобразив улыбку, примиряюще проговорил:

— Думаю, господин барон, вам не стоит сердиться на Луциса, ведь, в конце концов, он выполнял мои распоряжения. А я со своей стороны приношу вам свои извинения. Вам этого достаточно?

— Более чем, господин архимаг. — Не вставая, я изобразил легкий полупоклон, показывая этим, что удовлетворен.

— Кро, не забывай, — произнес Гронд, до этого момента молчавший, — с бароном играть в карты бесполезно, он их видит и имеет всегда дополнительные козыри. — Мы вас, юноша, пригласили для того, чтобы вы дали нам пояснения по поводу вашего доноса.

— А что не так? — спросил я.

— Ну хотя бы начало. Вы написали донос, звучит как-то... некрасиво. Вы на кого хотели донести?

— Не на кого, а что донести, — поправил его я.

— Хм, — произнес в нос Гронд, — тогда надо было написать не «донос», а «донесение». Так было бы правильнее. А так начало говорит об обратном, якобы мы с мессиром ректором послали вас на смерть. А меня вы просто обозвали подельником, как бандита, некрасиво это. — Он спокойно посмотрел на меня. При этом похлопывая ладонью по столу, пытаюсь отвлечь меня, но я этот прием тоже знал.

— Некрасиво молодого несовершеннолетнего отправлять в степь, где повсюду подстерегают опасности. Не находите?

— Не нахожу, — спокойно ответил Гронд. — Вы в Гиблые земли ходили?

— Ну ходил. А при чем тут это? Я ходил с отрядом, не сам.

— В степь вы тоже пошли не сами, а с отрядом, в подчинении магистра. Вот и мыли бы себе алхимическую посуду. Кто вас заставлял идти в кабак и лизать сисыку шаманке?

— Я вам скажу, мастер, и вы это хорошо знаете: это называется молодость.

— Вы уже знаете больше, чем преподают на первом курсе, поэтому мы дали вам редчайшую возможность посмотреть мир и проявить себя, а не киснуть в стенах академии, — спокойно пояснил ректор. — У вас энергия брызжет через край, для академии это бывает опасно. Вот вы и проявили себя, в Лилипутии побывали, руну привезли. Не покажете ли ее нам?

Я молча достал руну силы и положил на стол перед ректором. Он хищно наклонился над ней и жадно стал рассматривать.

— Точно такая же, только рисунок другой, — наконец произнес он. — Скажите честно, где вы ее взяли? — Он посмотрел на меня.

Понимая, что мне все равно не поверят, что я был за семью морями, сказал первое, что пришло в голову:

— Речной демон принес — крула. Она достала сундук из реки, в нем был кошелек с деньгами и эта руна с описанием. Описание рассыпалось, а остальные цацки я подарил магистру Луминьяну.

— Что вы ему подарили? — переспросил Гронд.

Я видел, что обобщенная характеристика предметов, переданных в дар «куратору», не нашла понимания у мастера, да и у мессира тоже.

— Книги, жезл и еще что-то, я не вникал особо, увидел, что вещи мага, и отдал ему.

— Вот идриш старый, — покачал головой Гронд, — а мне об этом не сказал.

— Так вы знаете, как ею пользоваться? — Мессир весь извертелся. Ему так хотелось побыстрее узнать тайну, недоступную много лет, что он не в силах был сдержаться.

— Знаю, господин ректор, но это дар королю.

Мессир Кронвальд только хмыкнул:

— Такие подарки королю не дарят, юноша. Вас посчитают губителем или отравителем. Подарить его величеству вещь с неизвестными свойствами — это чревато пытками и дыбой.

— Как это, с неизвестными? — удивленно посмотрел я на ректора. — Я знаю, что там за свойства.

— Только вы? — снисходительно улыбнулся он. — А если на другой день его монаршая особа не так пукнет или, не дай предки, споткнется? Вы знаете, что с вами сделают?

Он насмехался над моей неопытностью и, слава богу, предупредил. Я сообразил, как могут повернуть мой подарок мои «доброжелатели», поэтому ответил:

— Я понял вас, мессир, благодарю, — и стал убирать руну в сумку.

Но ректор очень живо накрыл мою руку своей, не давая убрать руну.

— Но этот подарок могу сделать я и сообщить его величеству, что его нашли вы. — Он прижал мою руку к столу.

— Не надо, мессир, уж лучше она будет у меня, я не хочу, чтобы из-за неудачного пука его величества или произведенного не в той тональности, у нас поменялся ректор.

Но ректор не отпускал мою руку.

— Спасибо, конечно, что вы, барон, беспокоитесь о моем благополучии, но мне ничто не угрожает. Я готов купить у вас руну. Сколько вы за нее хотите?

Я задумался и, улыбнувшись самой доброжелательной улыбкой, какую только смог натянуть на лицо, вскоре сказал:

— Для вас, господин ректор, только сотня золотых монет.

Он удивленно поднял глаза, и я увидел по его взгляду, что сильно, очень сильно продешевил. Но я и не собирался драть за нее три шкуры.

Мессир быстро достал чековую книжку и выписал чек на сто золотых корон. Я убрал чек и оставил руны на столе.

— Если ко мне других вопросов нет, то я пойду. — Я оглядел этих двоих очень продуманных, хитромудрых стариков.

— Подожди, сынок, я хочу поговорить по поводу твоего жалованья. Оно тебе правда нужно?

— Нет, мастер, оно не нужно для жизни, оно нужно для другого. Тут только дело принципа. Тот, кто работает бесплатно, того считают дурнем. Я не хочу, чтобы меня таковым считали.хлопот слишком много потом.

— Понятно, — спокойно кивнул Гронд. — На премию согласишься?

— Сколько?

— Ну, учитывая твой вклад в успех посольства и ожидаемую награду, то тысяча золотых корон будет в самый раз для стажера.

— Согласен.

— И я перепишу твой донос, надеюсь, ты не будешь возражать?

— Не буду.

— Тогда у меня все, — сказал Гронд и, потеряв ко мне всякий интерес, взял бокал вина, стоявший перед ним, и пригубил.

Я встал и раскланялся:

— Счастливо оставаться, господа.

— Постойте, Аббаи, — остановил меня ректор. — Вы не рассказали, как пользоваться руной! — Он, нахмурившись, смотрел на меня.

— А мы об этом и не договаривались, мессир. — Я тоже сделал удивленное лицо и прямо посмотрел в его суровые глаза. — Или я что-то путаю?

— Нет... но вы написали, что знаете, как ею воспользоваться, и подтвердили это устно.

— Не стану отказываться, господин ректор. Я действительно знаю, как ею пользоваться. Но эти знания стоят денег, или тот, кому я расскажу, будет мне должен услугу.

Хмурое лицо ректора стало растерянным.

— Он нас опять провел, Кро, — сказал Гронд очень спокойно. — Лучше заплати, я бы никогда не согласился быть его должником.

Опередить моих вассалов я не успел и вошел в столовую, когда все уже доедали свой завтрак. Сама столовая была большой и напоминала мне нашу армейскую при управлении полка. В ней помещалось около трехсот студентов. У самого выхода сидели выпускники, затем «второклашки», и в самом конце сидел первый курс.

Когда я вошел в столовую, на меня не обратили никакого внимания. Да и зачем обращать внимание на первокурсника. Старшим курсам строжайше запрещали вмешиваться в жизнь младших. Это было чревато большими неприятностями. У себя на курсе позволялось многое, но младших не тронь, и за этим строго следили. Разговор с такими был короткий. Хорошо, если отчислят, а если еще и осудят за нарушение эдикта самого короля, то репутация безнадежно испорчена. Это было гораздо хуже. Клеймо неблагонадежного сохранялось на всю жизнь, автоматически лишая возможности сделать карьеру и добиться положения. Так что своим будущим никто не хотел рисковать. Только девушкам позволялось участвовать в поединках, а вот с чем это было связано, я не знал, хотя догадки на этот счет имелись. Сделать, например, их более агрессивными, как-никак боевые маги.

Я взял деревянный поднос, получил свою порцию каши, булочку и цвар и пошел к своим. Проходя мимо снежных эльфаров, раскланялся, подмечая не без удовольствия удивление на их лицах. Стараясь не смотреть на Тору, которая, поднеся кружку к губам, застыла, уставившись на меня, я под прицелом десятка пар глаз прошел к нашему столу. Как-то так получилось, что мы с самого начала разместились рядом. Парни, мои вассалы, сидели ко мне спиной, а девочки лицом. Первой меня увидела малышка Мия. Она так же широко, как и эльфары, раскрыла глаза и, на секунду затаив дыхание, не веря своим глазам, смотрела на меня. Но в следующий момент меня увидели остальные. Визг похлеще чем у циркулярной пилы огласил обеденный зал. Девочки вскочили и бросились ко мне. Понимая, что так я останусь без завтрака, я коротким телепортом ушел за стол на их место и поставил поднос.

— Ваша милость? — еле слышно выговорил ошарашенный Штоф, не веря, что милорд собственной персоной почтил их своим присутствием.

Я возник у него перед глазами, как джинн из бутылки. А девочки словно наткнулись на стену, потеряв меня из виду. Они остановились и растерянно оглянулись. Но, увидев меня рядом со своим столом, не задумываясь, как это я так там оказался, снова огласили зал визгом и бросились обратно. Через пару секунд я напоминал то ли елку, на которую навесили игрушки, то ли гроздь винограда. На мне висели все, кто смог дотянуться. Я безропотно сносил изъявления восторга моих товарищей, как щенок или котенок, которого тискали, гладили, теребили заботливые хозяева и их дети. Не хватало еще только услышать «уси-пуси».

Наконец первая волна радости улеглась, и мне дали сесть и даже взять в руку ложку. Потом посыпались вопросы. А когда вы, милорд, приехали? А как повзрослел, и щетина появилась! А как там в степи? А орков вы видели? А как загорел, прямо черный! А красивый какой! Все это вперемешку, общим гвалтом навалилось на меня, я не успевал отвечать и только улыбался.

— Что вы пристали, дайте милорду поесть, не видите, он исхудал совсем, — рыкнул Штоф, и все тут же замолчали.

Я благодарно посмотрел на него и принялся за кашу. В отличие от остальных аристократов, избалованных изысками у себя дома, я ел пищу, приготовленную в столовой, с аппетитом. Каша была обильно сдобрена маслом, и рядом лежал большой кусок хорошо тушеного мяса с подливой. А что еще надо молодому растущему организму, божоле с марципанами? Как же. Ему нужны белки, жиры и углеводы.

— Чья очередь сегодня убирать у милорда? — тихо спросила Мия и заговорщически огляделась.

— Моя, — покраснев, ответила Эрна, — но я готова уступить, — поспешно добавила она, и ее щеки запыхали еще ярче.

— Ну конечно, — прыснула Мегги, — у Аре-ила комната поменьше.

— Дура, — буркнула Эрна и отвернулась. — Мы просто дружим.

У меня что-то екнуло, я бросил на нее быстрый взгляд, но постарался, чтобы мои слова прозвучали одобрительно:

— Вот и хорошо, дружите дальше. А в комнате у меня идеальный порядок, ни пылинки, спасибо, девочки, порадовали, так что убирать не надо.

— Надо, — решительно заявила Мия, — там всегда пыль собирается по углам. Я тебя, Эрна, заменю, и вообще, можешь не беспокоиться, я справлюсь одна. — И тут же, подпрыгнув, ойкнула, как будто ее кто-то ушипнул, и посмотрела на Мегги. — Ну не одна, конечно, а с Мегги.

В это время я уже пил цвар и заедал булочкой, мне было смешно, но приходилось прикрываться кружкой — девочки опять делили меня, не спрашивая моего мнения, причем уже в открытую, ни капельки не беспокоясь о своей репутации.

— А чего им беспокоиться, — проявилась Шиза, встряв в мои мысли. — Ты для них трамплин наверх, в высшие слои, лучше мужей им присмотри. У тебя же есть еще младший брат в горах. Его тоже через пару лет турнут. Я говорю не о всех, а о Мегги. Купи им баронство на границе со степью...

Я встряхнулся:

— Ты чего так далеко заглядываешь? И потом, мой брат младше ее на три года.

— Я посоветовала, а ты как знаешь. Предложи второму, но это будет труднее устроить.

Шиза снова пропала, а я услышал продолжение разговоров.

— ...Раз Эрна будет убирать у друга, то я буду вместо нее, — баском сказала Розина, и все с удивлением на нее посмотрели. Девушка она была статная, ростом с меня, с высокой грудью, нежными руками (мелькнула мысль: а откуда я это знаю?), с большими синими глазами и простодушным взглядом.

— Чего это ты? — рассердилась Мия.

А Розина совершенно невозмутимо посмотрела на маленькую Мию и спокойно предложила:

— Ну, если хочешь, приходи, поможешь.

Я не сдержался и хрюкнул. Цвар у меня изо рта опять попал в кружку. Парни тоже сидели, пытаясь удержать улыбки.

А меня больше донимала мысль о другом. Значит, Эрна пристроилась к эльфари, не зря он ее в трактир приглашал, подумал я. И она не знает, как мне об этом сообщить, вон сидит

вся пунцовая. Конечно, с одной стороны, это ее выбор, но с другой — девушка как-то быстро меняет постели, а в этом мире это не приветствуется. Да и эльфар после окончания учебы уедет и забудет ее. А забудет ли она его? Как сказала мне Шиза, мне еще надо будет их замуж выдавать. Надо будет с парнями переговорить, может, кто нравится им из девчонок. Я снова вернулся мыслями к Эрне. Она девушка продуманная и все раскладывает по полочкам. На сумасбродство с ее стороны не похоже. Я медленно допивал чай, размышляя над странной ситуацией. Не происки ли это Аре-ила? Может, он что-то ей наобещал, а она поверила. Придется с этим разбираться в ближайшее время. Я допил чай и поднялся.

— Пошли на занятия, — сказал я. — Вечером расскажу о походе к оркам и раздам подарки.

Уже поздно ночью, выпроводив всех гостей, я прилег отдохнуть и смог спокойно подумать. Причем двоих, Мию и Розину, пришлось практически выталкивать, и только мои слова, что я устал и хочу отдохнуть и мы еще займемся уборкой, позволили мне от них избавиться. Кое-что мне удалось выяснить, не задавая вопросов по существу. Оказывается, Эрна несколько раз после моего отъезда встречалась с Аре-илом в трактире, а после и вообще зацепилась за него. Это со смешками и намеками рассказывали ребята, к немалому смущению Эрны. Со мной она поговорить не спешила, я тоже ее не торопил. Пусть созреет в своем решении. У меня сложилось впечатление, что она влюбилась. Может быть, знаки внимания приняла за что-то серьезное, может, еще что, но ее на эльфаре «переклинило». Я знал, что и лесные, и снежные эльфары имеют человеческих любовниц. И дамы благородного сословия с ума по ним сходят, что уж говорить о простых девушках. Чем это могло грозить мне, я не знал, но лояльность одного из вассалов была под вопросом.

Кроме того, меня занимали источники средств существования. Трактир приносил доход, но его тратил дядька. Мастерская приносила деньги Кувалде, и моя доля шла на организацию шпионской сети. Деньги от продажи эликсиров я сам отдал дриаде. Оставался только трактир «Жемчужина юга». Конечно, Изя наладил работу, но этого было мало. Трактир для небогатых приносил небогатые доходы, и у меня давно родился план сделать его успешным заведением. Когда-то я

смотрел видео про «Мулен руж» и был восхищен. А что, если набрать танцовщиц из циркачек, их тут много ездит с представлениями, какого-нибудь хореографа и устроить для богатых господ и дам этакий закрытый модный салон. Плюс к этому омолаживающие ванны. Тогда это совсем другие поступления. Кроме того, можно собирать слухи, сплетни и информацию. Да, дело стоящее, согласился я сам с собой. Вот только как это раскрутить? Тут нужна хорошая реклама.

— Шиза, может, что подскажешь? — спросил я.

— Приходи сегодня в гости, и я помогу чем могу, — ответила она и скрылась.

— Как я туда попаду? Руки-ноги отрубать опять? — проворчал я.

— Не надо калечить себя, просто скажи, что ночью, как уснешь, то придешь, — прозвучало у меня в голове и раздался счастливый смех.

— Хорошо. Усну и приду, — проговорил я и зевнул. Еще раз зевнул, чуть скулу не вывернул, и отрубился.

Но в забытьи я пребывал недолго. Открыв глаза, увидел, что стою у входа в большой белый дом, даже, пожалуй, это был не дом, а вилла. С любопытством оглянулся. За моей спиной был парк с клумбами, аккуратно подстриженными кустами и деревьями. Я повернулся и уставился на орка в ливрее и белых перчатках, он слегка поклонился, отступил, открыл двери и проговорил:

— Прошу вас, милорд. — И так в полупоклоне остался стоять.

Я осмотрел себя и увидел, что костюм на мне точно такой же, в каком я разгуливал по станции, «срисовав» его с «пальцеда». Пришлось соответствовать и вилле, и костюму, и даже орку в ливрее. Я выпрямил спину и уже было прошел в дом, как меня озарило.

— Твою дивизию! — негромко ругнулся я и под удивленным взглядом орка бросился в парк.

Там без всякого стеснения стал рвать цветы с первой же клумбы, что мне попала. Составив яркий букет, поправил пиджак и повернулся. Напротив меня стояла шатенка в длинном вечернем платье, на открытых плечах меховое манто, а может, и не манто, а короткая накидка, я в этом деле не специалист. На изящной шее висела тонкая золотая цепочка с не-

большим кулоном. Она с легкой улыбкой смотрела на меня, а я топтался на траве клумбы и пыхтел, не зная, как себя повести. Наконец, понимая, что выгляжу полным дураком, я протянул ей букет и сказал:

— Вот, это тебе.

Она взяла букет, вдохнула аромат цветов и каким-то неповторимым чарующим голосом произнесла:

— Спасибо, конечно, за цветы. Но их можно было не рвать, а только пожелать, и букет тотчас был бы у тебя в руках.

Я перелез через невысокие, аккуратно под квадрат подрезанные кусты и встал рядом с ней.

— Знаете, княгиня, вы выглядите очаровательно.

— Насколько очаровательно? — спросила девушка и прикрылась цветами, оставив открытыми для обозрения только смеющиеся глаза.

Сейчас назвать ее Шизой у меня не поворачивался язык. Ну как такая красавица могла быть Шизой? Нефертити, Клеопатра, Таис Афинская, с кем ее можно сравнить? Я не знал. Запас моих знаний о красавицах мира был ограничен школьным курсом. И вот это чудо живет в моей душе и в моем теле.

— Ты просто... Ух! Четкая! — Я сделал рубящие движения ладонями перед собой.

Она рассмеялась. Потом спросила:

— Может, проводите даму в ее обитель, господин барон? — И подала мне руку.

Я взял ее осторожно, боясь повредить. Мои руки были огрубевшие, а ладони в мозолях. Даже тут я повторял себя полностью. Мы поднялись по белой мраморной лестнице и вошли в зал. В центре стоял накрытый стол на двоих, довольно длинный, и два стула с разных сторон. Она прошла к своему краю, и я, помня немного, что нужно делать, помог девушке сесть и придвинуть стул. Потом занял свое место. Между нами было метра два с половиной, хоть в настольный теннис играй. Что за дурацкие манеры у аристократов, подумал я, как тут общаться через стол с закусками?

— А где малыши и Лиан? — вежливо улыбаясь, начал я светский разговор.

Шатенка посмотрела на меня и несколько удивленно ответила:

— Мальчики спят, а дракон рыбу ловит.

— Рыбу? — изумленно переспросил я. — А где он ее нашел?

— А он в степи наловил мошек, а здесь из них сделал мальков и запустил их в пруд, теперь вот стал рыбаком.

Тем временем орк обошел нас по кругу, налил вина, а в тарелки положил разную закуску. Слева и справа от тарелки лежали вилки, ложки и ножи. С ума сойти, как можно с этим разобратся? Княгиня (а по-другому у меня язык не поворачивался ее назвать) заметила мои затруднения.

— Тебе рассказать, как пользоваться всем этим арсеналом?

Я даже вспотел от усердия, чтобы не выдать своей растерянности, а потом как обычно махнул рукой на все условности. Чего это я парюсь у самого себя в гостях?

— Зачем? Я человек культурный и знаю, что нож надо держать в правой руке. — Взял нож, посмотрел, что у меня на тарелке. А там лежала мясная копченая нарезка и веточка зелени. — А мясо в левой. — И совершенно спокойно, просто невозмутимо взял пальцами прозрачный кусок мяса и сунул в рот.

Внимательно слушавшая меня обворожительная девушка приподняла брови, когда мясо исчезло у меня во рту, а потом не выдержала и рассмеялась.

— Глухов, ты неисправим. Каждый раз я говорю себе, что уже изучила тебя, а ты заново преподносишь мне сюрпризы. Видел бы ты себя со стороны. — Она, продолжая довольно улыбаться, взяла бокал и спросила: — За что пьем?

Я вытер пальцы о салфетку и тоже поднял бокал.

— Первый тост за твой день рождения, спасибо, что пригласила. Оставайся такой же молодой и счастливой целую вечность!

Она пригубила и поставила бокал на стол.

— Так ты назначил мой день рождения? Спасибо, Витя, у меня никогда не было дня рождения.

— А почему Витя, а не Ирридар? — Я смотрел на нее, она на меня. — В последнее время я чувствую раздвоение. То я Глухов, то я Аббаи, — сказал я задумчиво. — Странное состояние, словно нас двое. Тебе кто больше нравится?

— Ты, Виктор, один. Вот кто сейчас сидит передо мной? — Она, не переставая улыбаться, смотрела на меня.

Я пожал плечами.

— Не знаю, я запутался. Я вообще не понимаю, где я, этот парк, этот дом и этот слуга. — Я посмотрел на стоящего столбом орка и отвел глаза.

— Ты — это дух Викторá Глухова. Все, что ты видишь вокруг, — это твое сознание. В нем ты можешь творить все, что захочешь. Ограничиваясь только своим воображением и количеством энергии. И вас не двое: ты один на два сознания. Сознание Ирридара было отсканировано, оцифровано и внедрено в тебя. Сам Ирридар ушел за грань. Твое ощущение раздвоения временное. Просто когда нужно принимать решение, первым включается сознание нехейца. Оно более молодое, подвижное, не ограниченное негативным опытом. Кроме того, парень был способен мыслить быстро и видеть глубоко, тебе на это нужно время, вернее, твоему сознанию. У вас на Земле есть игра в шахматы, вот ты плохой игрок, если честно, а нехеец смог бы стать гроссмейстером. Это его сознание реагирует мгновенно и заставляет тебя поступить именно так, как нужно.

— Выходит, я живу, пользуюсь чужими мозгами и чужим сознанием. Словно паразит. — Я помрачнел от услышанного. Сам я тупой старый пенек и, если бы не Ирридар, давно бы загнился в этом мире. В общем, я это не я, а бутерброд из двух сознаний. Такой вот двоедушный монстр.

Девушка поняла мои терзания.

— Ты не прав, Виктор. В твоём теле ты один, там есть твое сознание и память мальчика, но воля только твоя. И только ты принимаешь решение. Твоя раздвоенность от боязни признать память Ирридара своей. Ты выставил барьер между сознанием юноши и собой. Отсюда и растут твои проблемы. Когда ты смиришься с тем, что его сознание — это часть твоего сознания, все пройдет.

— А как это сделать?

— Время, Виктор, на все нужно время.

Мы сидели и непринужденно обсуждали наши дела, я заметил, что такая форма общения мне нравится больше, чем когда я задаю ей вопросы наяву.

— Давай поговорим об Эрне, — предложила она. — Ты правильно заметил, что ее преданность под сомнением. Кроме того, я видела, что она не лжет, говоря про дружбу с Аре-илом. У нее нет к нему любовных чувств. Значит, тут за-

мешан кто-то другой. Подумай, зачем понадобилось подбираться к тебе так открыто?

Я задумался.

— Ты хочешь сказать, что ее выставляют на всеобщее обозрение для отвода глаз, чтобы я сосредоточил свое внимание на ней. А кто-то в это время прячется у меня под боком, прикрываясь Эрной?

— Вполне возможно, это надо обязательно проверить. Живи, как будто ничего не случилось, делай вид, что все в порядке. Но поискать того, кто мог бы стать шпионом и затаиться до времени, нужно. Теперь что касается трактира. Твоя задумка не лишена смысла, но кто из аристократов пойдет в твое заведение, если им управляет идриш?

Я вынужден был с ней согласиться. Действительно, пустая затея с Изей. Не выгонять же его.

— Что ты предлагаешь?

— Купи другой трактир и поставь над ним даму полусвета. Марк уже освоился в городе и может такую найти. Подтяни к этому делу Мию, объясни ей замысел. Пусть займется оформлением интерьеров и декорациями. Как все сделаете, отрепетируйте программу, пригласи туда студентов-аристократов. Уж поверь мне, лучшей рекламы и представить трудно.

Тут она была права на все сто процентов. Я поднял бокал:

— За вас, княгиня! Я рад, что вы у меня есть.

Она подняла свой бокал:

— А я рада, что у меня есть ты, Виктор.

Столица королевства Вангор

В первый час пополудни городская стража оцепила площадь перед резиденцией ордена Искореняющих. Посреди площади разместили три столба, обложили их дровами и вязанками хвороста. Советник смотрел из окна на приготовления. За его спиной стоял мрачный Курт Веймар. Советник, не оборачиваясь, заговорил:

— Вы зря хмуритесь, герр Веймар. То, что я увидел здесь, произвело на меня двойственное впечатление. Надо отдать вам должное, вы неплохо справились с основной задачей, внедрились в этот мир, захватили власть в ордене. Не бойтесь брать на себя ответственность. Это все похвально. Но вы проходите мимо мелочей. А это чревато последствиями. Напри-

мер, как давно орден производил поимку и сожжение одержимых? — Он повернулся к координатору.

Тот пожал плечами.

— Вот. А я вам скажу: полтора года назад, — ответил советник, правильно расценив молчание координатора. — В народе шепчут, что орден только наживает богатство, а не ведет войну с демонами.

Веймар промолчал. Спорить с советником было опасно, кроме того, он понимал, что тот был прав. Орден сосредоточился на другом, и у Веймара просто не хватало времени и сил ухватить все сразу. Но главное, у него были совсем другие задачи.

— Мы это исправим, — продолжил советник. — Вы, как и прежде, займетесь координацией сети здесь, в Брисвиле и в Инферно. А главой ордена я поставлю герра Шнапса, у него прозвище Палач. — Советник прошел к столу и сел. — Присядьте, Веймар.

Голос советника был все такой же невыразительно-равнодушный, но Курт почувствовал, как в помещении похолодало. У него пробежал озноб по спине и выступил предательский холодный пот, который всегда появлялся, когда Курту было страшно. Противная капля скользнула вдоль позвоночника, за ней вторая и третья.

— Я не хочу, чтобы вы огорчились по поводу казни двух ваших подчиненных. Но это необходимая мера. Я говорю вам это один раз и больше не повторю. Для мотивации нужны два стимула: страх и возможность продвинуться. Вы это забыли. Отсюда небрежность и непродуманность планов ваших людей. Они не боятся последствий и не видят перспективы для себя.

Курт вспомнил, как вчера его и остальных пригласили в общий зал. Там в центре стоял маленький худой Искореняющий из прибывших вместе с советником. Перед ним на коленях стояли двое братьев из первых, с кем прибыл сюда Веймар. Теперь Курт знал, что это новый глава ордена по кличке Палач.

Палач зачитал приговор, и стоящих на коленях обездвигали станером, затем ввели сильнодействующий препарат, вызывающий галлюцинации и агрессию. Под его воздействием человек на трое суток превращался в зверя, рычал, когда видел людей, на всех бросался, грыз прутья клетки и даже свои руки.

Приговор был прост: за халатное исполнение приказов приговорить к сожжению. Палач оглядел собравшихся.

— И так будет со всеми, кто формально относится к порученному делу. Мне нужны казни, хотя бы раз в месяц. Не найдете одержимых, будете гореть сами. Притащите бродяг, которых наловите по дорогам, — будете гореть вместе с ними. Мне нужны жертвы, на которых можно повлиять, заставить нам служить из страха быть сожженным, и жертвы, у которых можно отобрать имущество, — закончил свою короткую речь новый магистр ордена.

Вскоре на площадь выехали телеги с клетками, в каждой из которых сидел голый мужчина. Стоило им увидеть людей, собравшихся на площади, как они взвыли, ухватились за металлические прутья и стали их бешено трясти, чтобы вырваться. Испуганная толпа подалась назад, но, заметив, что приговоренные выбраться не могут, подступила ближе, жадно рассматривая одержимых демонами. Один мальчишка подобрал камень и бросил в пленника, камень попал в лоб, и кровь стала заливать лицо рычащего и беснующегося человека. За первым последовал уже град камней, но люди в клетках не обращали на это внимания, они в ярости и бессильной злобе зубами ухватились за железные прутья и стали их грызть.

— Смотрите, им не больно! — закричал один из зрителей и, подойдя почти вплотную к клетке, ткнул палкой между прутьев.

Пленник ловко перехватил ее и дернул к себе, зевака, не ожидавший этого, не успел выпустить палку и был притянут к клетке, а в следующий миг он дико закричал. Одержимый вцепился руками в его лицо и погрузил пальцы в глаза. Несчастный судорожно забился, захлебываясь криком, а двое Искореняющих попытались оторвать его от клетки.

Но одержимый крепко держал добычу, радостно урча и вцепившись зубами в щеку. Через полминуты борьбы беднягу все же удалось оторвать от клетки. Из глаз того текла кровь, а на щеке зияла большая дыра. Он повис на руках Искореняющих, громко вопя.

Советник смотрел на происходящее, и впервые с его лица исчезла маска равнодушия и бесстрастия.

— Достойное представление, — похвалил он. — Это укрепляет авторитет ордена.

Вскоре на площади запылало три костра. Приговоренных привязали попарно к столбам, спиной к спине. Площадь огласилась криками боли, потом они перешли в кашель и хрип, и на некоторое время наступила тишина, слышно было только треск горящих поленьев и гул огня, взметнувшегося вверх. Затем раздался еле слышный одинокий крик:

— Я не виновата... — Несчастный не договорил, скрывшись в пламени костра.

Толпа молчала, потрясенная зрелищем. Такого они еще не видели.

Но был среди зевак человек, который смотрел не на костер, а на Искоряющих. Он старался запомнить их лица, подмечал особые приметы, рост, особенности фигуры. Даже повадки пытался отложить в памяти. Когда крики казненных смолкли, он первым не спеша покинул площадь.

Поздно вечером того же дня к воротам цитадели Искоряющих, сильно прихрамывая, подошел старик. Ковылял он, опираясь на палку, и этой же палкой постучал в ворота. Открылось окошко, и привратник, оглядев старика и брезгливо сморщившись, спросил:

— Чего надо?

— У меня письмо, — прошепелявил старик и полез в сумку. Он подслеповато шурился, копаясь в ней, пытаясь отыскать письмо.

— Какое письмо, от кого? — раздраженно спросил Искоряющий.

Старик наконец вытащил свиток и дрожащей рукой держал его.

— Ну чего ты копаешься, давай его сюда! — не выдержал медлительности привратник и высунул руку в окошко.

Старик мгновенно схватил его руку и, удерживая ее, свитком ткнул привратнику в лицо. В свитке был спрятан стилет, и он вонзился магу в глаз.

— Письмо от госпожи Смерти, сынок, — сказал старик и, развернувшись, пошел прочь.

Он был уже на середине площади, когда ворота распахнулись и из них выскочили пятеро мужчин. Они увидели старика и бросились за ним. Догоняя его, один крикнул:

— Стой, старая сволочь! Все равно не уйдешь!